БЕЛЫЙ КАМЕНЬ

Евдокия

АЛЕКСАНДР БЕЛОКАМЕННЫЙ

Александр Белокаменный

Евдокия

https://litres.ru/75000813
SelfPub; 2026

Аннотация

Серия «Белый камень». Легенды берега Москвы-реки у села Сабурово.

1571 год. Боярышню Евдокию везут в Слободу, и всё в её жизни давно решено за неё. По дороге отец останавливается у реки, и она впервые просит минуту для себя. Девятая история серии.

Содержание

О серии 5
Евдокия 6
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Евдокия

О серии

«Белый камень» — серия литературных легенд о белом камне над Москвой-рекой у села Сабурово. Камень везли для белых стен Москвы, но он остался на берегу. С тех пор у него останавливаются цари и поэты, мастера и крестьяне, солдаты и дети, а род Ждановых бережёт это место без грамоты и жалованья.

Каждая история — законченный рассказ с тихим чудом и сдержанной иронией. Читать их можно в любом порядке. Вместе они складываются в летопись одного берега.

Евдокия

Возок был закрытый, обитый изнутри войлоком, и в нём пахло овчиной, ладаном и печёными яблоками, которые мамка Улита везла в узелке от самого дома. Окошко затянули слюдой, мутной, как вода в ведре, и сквозь неё было видно только белое и серое: иней на обочинах, серое небо над ним, а между ними тёмные спины отцовских людей.

Евдокия сидела у окошка и слушала, как снаружи говорят о ней. Говорили не со зла и даже не тихо, а так, как говорят о поклаже, которую нельзя ни уронить, ни подмочить.

— Везём, — сказал кто-то у самого колеса.

— Довезём, — отозвался другой голос, постарше. — Только бы не простыла.

— А простынет, с кого спросят?

— С нас и спросят. С кого ж ещё.

Улита отодвинула слюду на палец и крикнула вознице, чтобы не гнал, а то яблоки побьются. Возница ответил, что яблоки не стеклянные. Тогда Улита сказала, что он и сам не стеклянный, а побьётся, если она ещё раз услышит, как он гонит. Снаружи засмеялись. Евдокия отвернулась к стенке, чтобы мамка не увидела её лица.

Улита перекрестилась, потом перекрестила Евдокию, потом узелок с яблоками, потом окошко. Так она делала с тех пор, как из Слободы пришла весть, что боярышню берут к

царскому двору, и в доме стали говорить шёпотом. Шёпотом говорили о платьях, о приданом, о том, кого посадить в возок, а кого оставить. С самой Евдокией говорили мало. Спрашивали, не озябла ли, не голодна ли, и уходили раньше, чем она успевала ответить.

— Не впервой Сабуровым, — говорила Улита, будто себя уговаривала. — Была из вашего роду и великая княгиня, при государевом батюшке. Со всей земли, говорят, девиц свезли, без малого полторы тысячи, а взяли нашу.

Чем кончилось у великой княгини, Евдокия знала. Улита тоже знала и сразу заговорила о другом.

— Ты бы поела, ласточка, — сказала Улита.

— Не хочу, нянюшка.

— Яблочко хоть возьми, оно ещё тёплое.

— Потом возьму.

Мамка вздохнула, как вздыхала всю дорогу, и стала рассказывать про то, как в её деревне один мужик застудил ухо и оглох на всю зиму, а весной оттаял и опять стал слышать. Евдокия не слушала, она считала вёрсты.

Вёрсты были её собственные. Никто их ей не дал и никто не мог отнять. Когда возок встряхивало на мосту, она загибала палец. Когда снаружи кричали, что проехали чью-то деревню, она загибала другой. Счёт выходил неверный, она это знала, но поправлять его было некому, и это ей нравилось. Всё прочее в её жизни считали другие: сколько везти рубах, сколько дней до Слободы, сколько поклонов класть

и при ком молчать. А вёрсты считала она одна и никому не говорила, сколько насчитала.

Ближе к Москве в возок потянуло гарью. Пахло не печным дымом, а старым, мокрым углём, тем, что остаётся, когда горит не одна изба, а целая улица. Евдокия отогнула край слюды. В низине чернели пятна, и иней на них не держался. Вдоль дороги стояли новые срубы, жёлтые, ещё без крыш, и мужики на них стучали топорами так, будто хотели успеть до снега.

— Хан тут весной стоял, у самого Коломенского, — сказал кто-то снаружи. — Оттого и пусто.

— Закрой, — сказала Улита. — Нечего туда глядеть. Не к добру это.

Она закрыла окошко и загнула ещё один палец, хотя никакой версты тут не проезжали.

* * *

Под Коломенским возок свернул с большой дороги и пошёл медленно, переваливаясь на кочках. Улита забеспокоилась, стала спрашивать, куда это, не заплутали ли, но снаружи ей никто не ответил. Потом возок встал совсем, и стало слышно, как фыркают лошади и где-то далеко стучит топор.

Дверцу открыл приказчик Ермолай, сухой человек с бородой клином и с чернильницей на шнурке у пояса.

— Богдан Юрьевич велел передохнуть, — сказал он. — Он тут землю глядит. Недолго.

Боярином Богдана Юрьевича стали величать только этой

осенью, и дворовые ещё путались. Один скажет «боярин», другой по старой памяти «воевода», и оба оглянутся, не слышал ли он.

Евдокия вышла из возка. Ноги после долгой дороги были как чужие, и она постояла у колеса, держась за обод, пока они не вспомнили землю. Было холодно и так тихо, что слышно было, как хрустит под сапогами у дворовых. Поле уходило к краю, за краем угадывалась пустота, а в пустоте что-то белело и двигалось. Она догадалась, что там река, и ей захотелось туда так сильно, как давно ничего не хотелось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.